

— Ну что тебе стоит? — заявила Наташка. Я неопределенно кивнула, не испытывая желания соглашаться.

— Я ведь не прошу тебя спать с ним, — нахмурилась она. — Встретишь человека, проводишь в гостиницу, поужинаешь с ним, чтоб он не чувствовал себя совсем брошенным, и все.

Я опять кивнула, уставившись в противоположный угол комнаты: там не было ничего интересного.

— Идет? — спросила Наташка.

Я пожала плечами:

— Мне что-то не хочется.

— Ну, знаешь ли... Гера нам голову оторвет...

— Тебе, — поправила я.

— Конечно! — разозлилась Наташка. — Вроде бы это и тебя касается.

— А вроде бы и нет, — ответила я, продолжая злить ее бог знает зачем.

Наташка плеснула в высокий стакан водки, выпила и повертела стакан в руке.

— Много пьешь, — вздохнула я.

— Не у всех нервы железные... Ладно. Давай по-доброму. Парня надо встретить — это моя обязанность, так?

— Так, — вздохнула я, делая вид, что угол комнаты меня все еще занимает.

— Я не могу, потому что идти с таким украшением под глазом неприлично. Окажи любезность, сделай это за меня. — Она разозлилась по-настоящему, поэтому добавила: — В конце концов, ты мне многим обязана.

Это была святая правда. Я кивнула.

— Не заводись. Встречу я его, встречу, и в гостиницу отвезу, и даже поужинаю.

Я отпила глоток, повертела стакан в руке, как только что Наташка, и щелчком подтолкнула его по блестящей поверхности стола. Не рассчитала: стакан упал, правда, не разбился.

— Что? — настороженно спросила Наташка, следя за моими действиями.

— Ничего. Нервничаю.

— Ты не умеешь нервничать. Ты железная. Железобетонная. Тебе на все наплевать. Ты все можешь, ты никого не боишься.

— Это что, сеанс аутотренинга? — поинтересовалась я.

— Вроде того.

— Неважно у тебя получается.

— Как умею.

— Когда он приедет? — вздохнула я.

— Около шести. Документами его Ва-

лерка загрузит, а твое дело — гостеприимство.

— Отлично, — сказала я, поднимая стакан с пола. — Ты останешься?

— Хотелось бы. Мешать не буду?

— Ты мне никогда не мешаешь, — сказала я. — Я тебя люблю. Это я так, на всякий случай. Становлюсь сентиментальной, как видишь. Трещина в железобетоне.

— Часа в четыре тебе надо быть в офисе.

— Хорошо, — я кивнула и пошла из комнаты.

— Поезжай на моей машине, — добавила Наташка мне вслед.

В офисе царил тишина, близкая к могильной. Я прошла по коридору, насвистывая.

— Я здесь! — крикнул Валера из-за двери.

Я толкнула дверь ногой, просунула голову в его кабинет и лучисто улыбнулась.

— Привет, — сказал он. — Как Наташкин глаз?

— Хуже не бывает.

— Он сексуальный маньяк.

— Не-а, это она хоть кого доконает.

— Тебе лучше знать.

— Я подожду в кабинете, — с легкой заминкой сообщила я и пошла дальше.

В кабинете ничего не изменилось. Я огляделась с порога, прошла, рассмотрела фотографии на каминной полке (камин был электрическим, но выглядел почти насто-

ящим). Никаких эмоций. Сплошной железобетон. Я села в кресло, закинула ноги на стол и стала разглядывать потолок. И размышлять. Ничего заслуживающего внимания в голову не приходило, что неудивительно. Мое дело — ждать. Я перебирала мысли, точно хлам на чердаке, силясь зацепиться за что-то и удостоиться озарения. Не получалось.

В дверь офиса позвонили.

— Ты откроешь? — крикнул Валера.

— Открою, — ответила я, нажимая кнопку. Потом встала, расправила плечи, нацепила на лицо лучезарную улыбку и пошла встречать гостя.

— Здравствуйте, — улыбнулся он, целясь мне руку. — Вы Наташа, я угадал?

Черта лысого... угадал не угадал, какая разница?.. Ладно, будем считать, что угадал, терпеть не могу пускаться в объяснения, да и лень.

— Да, — ответила я. — Прошу вас...

Мы с гостем прошли в кабинет, и я позвала Валеру.

— Валера, это Аркадий Юрьевич. Валера познакомит вас со всеми бумагами. — Я с облегчением удалилась. Вернувшись к камину, села в прежней позе и опять уставилась в потолок. Аркадий Юрьевич занимал меня мало. Но Наташка права: Гера снимет с нас голову, если мы упустим это-

го типа. Может, не в буквальном смысле, но... Мы сами прекрасно понимали: дела фирмы должны идти по заведенному порядку, хотя бы внешне.

Знакомство с документами заняло довольно много времени. Где-то ближе к семи мы с Аркадием Юрьевичем вновь стояли друг против друга, сияя улыбками. Кажется, он был доволен. А про меня и говорить нечего.

— Я заказала вам номер в гостинице.

— Вы не откажетесь со мной поужинать?

— С удовольствием.

Он мне нравился. Милый, веселый и неглупый. Внимательные глаза, ранняя лысина. Наверное, хорошо знает свое дело. Женат. Двое детей.

Выпив шампанского, мы перешли на «ты». Я расспрашивала о его родном городе, а он охотно рассказывал. О делах ни слова. Ему это понравилось, и мне тоже: я в делах ничего не смыслила.

Ужинали мы основательно и приглядывались друг к другу не торопясь. Чем больше я приглядывалась, тем больше он мне нравился. Нормальный, в меру увлеченный своим делом человек, умеющий радоваться хорошему вечеру и тому, что он кому-то интересен. Мне бы, дуре, ценить. Не так много людей вокруг вызывают во мне приток положительных эмоций.

Через час он уже рассказывал о своей семье. Сын, дочка. Немного стесняясь, сообщил, что очень любит жену. Есть же счастливые люди. Я от души порадовалась за него. Мы продолжили беседовать, как хорошие друзья. Напрасно Наташка опасалась за мою нравственность: никаких намеков. Впрочем, мужчины исключительно редко решаются делать мне сомнительные предложения: наверно, железобетонная конструкция моего «я» отпугивает. Я, так сказать, существую в двух ипостасях: товарищ (в смысле душевная женщина) и собеседник (то есть женщина интересная). Оба варианта — одинаковая лажа: душевности во мне не больше, чем в мышеловке, а интересные разговоры я терпеть не могу, впрочем, как и разговоры вообще. У меня хватает ума держать эти мысли при себе, а в искусстве прикидываться я потихоньку приближаюсь к совершенству. Правда, восторга от этого не испытываю.

Между тем от его семьи мы перешли к общечеловеческим ценностям, сделали неожиданный скачок в философию и пару минут с любопытством взирали друг на друга, когда речь зашла о Данииле Андрееве и его книге «Роза мира». Некоторое замешательство вполне понятно: лично мне нечасто встречаются люди, способные ее прочесть. Аркадию Юрьевичу, видно, тоже не очень везло: он так обрадовался воз-

возможности поговорить о ней, что я чуть не прослезилась от умиления. Мне от его мыслей было ни жарко ни холодно, но я усердно изображала интерес. Подозреваю, что он был счастлив в этот вечер — ну и слава богу.

Судя по взглядам официантов, из ресторана пора было выметаться, но собеседник мой еще не наговорился и с легкой заминкой, почти заискивающе, предложил подняться к нему в номер.

— Мы могли бы еще немного поболтать, а потом я отвезу тебя домой...

По примеру Наташки он тоже заботился о моей нравственности. Я вообще-то не люблю разговоров допоздна, не люблю гостиниц, Андреева тоже не люблю, однако, вспомнив, что меня ожидает дома — а дома меня, кстати сказать, ничего не ожидало, — я согласилась. Отчего ж не сделать доброе дело, ежели это ничего не стоит?

Прихватив, как полагается, бутылку вина и коробку конфет, мы вышли из ресторана. Мой спутник продолжал говорить, пока мы пересекали огромный холл, говорил и в лифте, а я внимательно слушала, время от времени что-нибудь изрекая, чтобы создать иллюзию беседы. Забавно, как много значения придают словам некоторые люди. Для меня слова мало что значат: символы для передачи информации от одного субъекта другому. Чепуха, хлам. А он все говорил и говорил.

Лифт остановился, мы вышли. Аркадий Юрьевич трогательно поддерживал меня под руку. Пол в коридоре был застлан ворсистым ковром. Мне нравится ходить по таким коврам. Хотелось сбросить туфли и прошлепать босиком, но и в туфлях идти было приятно. Я шла и улыбалась. Аркадий понял мою улыбку по-своему, притормозил и вдруг сказал:

— У тебя удивительная улыбка. Ты совершенно необыкновенная женщина, я думал, таких больше не существует, они исчезли вместе с салонами, духом декаданса...

Эко куда занесло человека. Стало совершенно ясно: пара изреченных мной банальных истин нанесла удар ниже пояса. Против декаданса я ничего не имела, но в голове был шум: моему организму вреден массированный обстрел словами. Я уже жалела, что согласилась продолжить беседу.

Наконец мы оказались возле номера 311. Аркадий вставил ключ в замок, все еще продолжая говорить, но тут произошло нечто, от чего он заткнулся на полуслове. Дверь номера 310, что напротив, распахнулась, и оттуда вылетел какой-то тип с перекошенным лицом. С трудом удержавшись на ногах, он схватил моего говорливого спутника за предплечье, отпрянул и бросился по коридору в сторону, противоположную той, откуда шли мы — надо полагать, к пожарному ходу. Аркадий стоял,

открыв рот, а ключ так и торчал в замке. И тут меня черт дернул за язык:

— Кровь.

— Что? — не понял он.

— Кровь, — повторила я, уже сообразив, что сваяла дурака: человек, как известно, крепок задним умом. — У тебя на пиджаке кровь.

Он ошарашенно уставился на свой пиджак, начисто забыв о том, что мы все еще стоим перед запертой дверью. Об этом вспомнила я, открыла дверь и сказала:

— Нам лучше войти.

— Что? — Он дернул головой, понемногу выходя из транса. Я терпеливо ждала.

— Там что-то произошло, — сказал он наконец.

Подумать только, до чего сообразительный парень. Я кивнула:

— Наверное. Только нам до этого нет дела. Или есть?

— Как же... — растерялся он. — Не можем мы уйти, ничего не сделав...

— Я могу, — созналась я.

Он тряхнул головой.

— Это ведь кровь, верно? Значит, там, — указал он на дверь, — произошло что-то хорошее.

— Мы можем позвонить администратору, — предложила я, поняв, что имею дело с гражданином, к тому же любопытным. — В гостинице должна быть служба охраны, это по их части.

Но Аркадий уже шагнул к приоткрытой двери напротив. Толкнул ее и громко спросил:

— Есть кто-нибудь? Ответьте, пожалуйста. У вас все в порядке?

У типа, что лежал на полу, безусловно, все было в порядке — в том смысле, что ничего больше ему в этой жизни не было нужно. Со своего места я отлично видела труп. Наконец его увидел и упрямец Аркадий, взвизгнул неожиданно тонко и выскочил в коридор.

— Он мертвый? — только и спросил жалобно.

— Вне всякого сомнения, — ответила я и поняла, что влипла в скверную историю. Разглядывать покойника мне совершенно не хотелось, поэтому я вошла в номер 311, села в кресло и воззрилась в потолок. Любопытного мало, но как-то успокаивает. Аркадий влетел следом и кинулся к телефону.

— Может, нам не следует вмешиваться? — предложила я, впрочем, без всякой надежды.

— Что значит «вмешиваться»? Произошло убийство, и мы видели убийцу.

— Лично я никого не видела.

— Что? — Он стал менять окраску с бледно-зеленой на пунцовую.

— Я никого не видела, — повторила я равнодушно.

— Как ты можешь? — тихо сказал он, а я пожала плечами. Тут его осенило:

— Он, возможно, еще жив...

— Это вряд ли, — заметила я. — Под ним лужа крови, и он чересчур пристально смотрел в потолок.

Аркадий опять стал зеленеть и торопливо звонить по телефону, а я махнула рукой. И какого черта меня сюда понесло? Вопрос, к сожалению, риторический.

Следующие несколько часов остались в памяти как весьма неприятные. Для меня неприятности начались, как только милиционер поинтересовался моим именем. Я на чем свет стоит проклинала свою лень: почему было сразу не сказать Аркадию, что я вовсе не Наташа? Теперь это было затруднительно: в соседнем номере труп, а я вдруг заявляю, что я не Наталья Павловна Егорова, и не могу внятно объяснить, зачем мне понадобилось выступить под чужим именем. Аркадий с высоты своей гражданской позиции усмотрит в этом бог знает что. Прикинув, чего мне это может стоить, я решила отложить решение данной проблемы на завтра, а пока оставаться Наташкой — какая, в общем, разница? Это я себя так успокаивала, заведомо зная, что история обернется большими хлопотами. Наташкина была идея отправить меня к Аркадию Юрьевичу, вот и будет пожинать плоды... Ох, как мне все не нравилось... Я начала злиться.

Аркадий увлеченно свидетельствовал, милиционер терпеливо записывал. А я поражалась способности людей обманываться, или видеть то, чего и нет вовсе, или просто фантазировать — наверно, всего понемногу. Вот, к примеру, Аркадий уверял, что предполагаемый убийца был высок и широкоплеч, брюнет, в темном костюме и светлой рубашке. Между тем ростом он был не выше самого Аркадия, то есть среднего, волосы имел русые, одет в джинсы, зеленую водолазку и замшевую куртку. В левом ухе болталась серьга в виде крестика, а во рту недоставало двух нижних зубов. Все это я держала при себе, впутываться во что бы то ни было — не в моих правилах. Хотя, судя по всему, я уже впуталась.

— У него были усы. Правда, Наташа?

Никаких усов, это уж точно. Я покачала головой.

— Не разглядела. Я же видела его меньше секунды. Он налетел на нас и скрылся. Если я его сейчас в коридоре встречу, вряд ли смогу узнать.

Милиционер оказался человеком с понятием и удовлетворенно кивнул: словоохотливость Аркадия начинала его тревожить. В конце концов наступил момент, когда и она иссякла. Аркадий с сожалением замолчал. На этаже к этому моменту было столпотворение. По коридору сновали раз-

ные люди, в форме и без. По обе стороны отгороженного пространства томились постояльцы гостиницы, пытались заглянуть в приоткрытую дверь триста десятого номера и получали явное удовольствие, несмотря на позднее время, когда самым разумным было бы лечь спать. Жаль, так думала одна я.

В душе зрело беспокойство. Я попыталась понять причину: подвела Наташку, Геру и сама оказалась в двусмысленном положении... Нет, не только это... Беспокойство нарастало, крепло и начинало походить на предчувствие. Мне вдруг очень захотелось исчезнуть, оказаться как можно дальше от этого места. Ближе к утру такая возможность представилась.

Наташке я позвонила из автомата.

— У меня новость.

— Пять утра, — зло прошипела она.

— А у меня плохая новость, как раз ко времени.

— Ты надавала ему пощечин?

— За что, интересно? Он семьянин и гражданин, к сожалению.

— Давай свою плохую новость.

— В номере напротив убили парня. Кажется, мы видели убийцу.

— Что значит «кажется»?

— Аркадий Юрьевич утверждает, что видел. Я же, конечно, ничего не видела, не

слышала, следовательно, свидетельствовать не могу. Зато на него потратили тонну бумаги.

— Он что, псих?

— Похоже на то... Твоя была идея подсунуть меня вместо своей особы?

— Ну?..

— Вот и выкручивайся, свидетель.

Наташка что-то заверещала, но я повесила трубку. Села в машину, включила «дворники» и призадумалась. Домой мне совершенно не хотелось, к Наташке тем более. Кажется, больше не к кому. Аркадия Юрьевича поместили в номере в другом крыле гостиницы (попросился все-таки подальше от покойника), и сейчас он скорее всего спал крепким сном, удовлетворенный сознанием выполненного долга. Я вздохнула и завела машину. Было одно место на свете, где я могла спрятаться от всех и на досуге поразмышлять над причинами неожиданно накатившего страха. В двадцати километрах от города в тихой деревушке стоял старый дом, доставшийся мне от какой-то неведомой тетки по отцовской линии. Я была так мудра, что никому о нем не рассказывала. Туда я и направила свои стопы, вернее, колеса.

Дождь зарядил надолго. Бесконечный дождь в деревне кого хочешь доконает, я не исключение. Слоняясь из угла в угол, ■ смотрела из окна, как мокнет под дождем

Наташкина машина, и думала о разной чепухе. Например, как здорово бежать под дождем, шлепая босыми ногами по теплым лужам. Пробовать, однако, не стала: холодно, и ничего, кроме простуды, такая затея не сулила. Я без конца пила чай и бродила по дому. Через два дня мне все надоело, и я решила: вернусь. Гера с Наташкой за это время если и не смогли избежать неприятностей, то хотя бы успокоились и не станут насылать на мою голову кару небесную. Утешив себя таким образом, я после полудня поехала домой.

Дождь кончился, а я боялась, что он будет лить до конца света. Солнце робко пробивалось сквозь серую пелену, радуя торжеством светлого начала над темными силами. Два дня абсолютного безделья явно пошли мне на пользу.

Я подъехала к дому со стороны задних ворот, но въезжать внутрь не стала: Наташа скорее всего сейчас у меня, и законное средство передвижения надобно ей вернуть. Калитка почему-то оказалась открытой, что было странно: Наталья человек аккуратный, а про Геру и говорить нечего. Неужели они так на меня разозлились, что изменили своим привычкам?

Сад выглядел уныло, столик с парой стульев как-то жалко, а все в комплексе мне почему-то не нравилось. Я обошла дом: тишина и странное запустение, точно отсутствовала я не два дня, а два года. Возле

гаража стояла моя машина с открытой дверцей. Страх накатил мгновенно, сдавив горло и сбивая дыхание. Я направилась к парадной двери, дернула ручку: заперто. Вновь обошла дом и толкнула дверь кухни — она с неожиданным скрипом открылась. Я тревожно огляделась: пусто, чисто, внешне безопасно. Войдя в коридор, громко позвала Наталью. Дом отозвался гулкой тишиной, точно замок Спящей Красавицы. Я направилась к своей спальне и тут почувствовала, что ковер под ногами странно чавкает. Из ванной доносился слабый шум, из-под двери сочилась вода. Уже зная, что сейчас увижу, я рванула дверь. Наташка лежала на полу возле раковины, одетая в мое синее кимоно. Руки раскинуты в стороны, одна нога странно вывернута... Лица не было: выстрел в упор превратил голову в кровавое месиво.

Кран закрыли неплотно, вода лилась через края ванны. стакан с коньяком и лимон дольками на столике рядом. Я до отказа закрутила кран, села на мокрый пол и заревела.

Рука Наташки была холодной и жесткой. Я поцеловала ее руку и сказала, глядя в потолок:

— Дура несчастная, чего тебе дома не сиделось? Сколько раз тебя учила: страсть к чужим тряпкам до добра не доводит.

Она готовилась забраться в ванну, мо-

жет быть, жевала лимон или смотрела на себя в зеркало... Об имени ее не спросили, кто-то вошел и выстрелил.

— Извини, что ухожу, — сказала я, поднимаясь. Мне хотелось верить: она слышит. — Я люблю тебя, — добавила я уже в дверях и осторожно их прикрыла, подумав неожиданно для себя с усмешкой: началось.

Минут за десять я собрала кое-какие вещи и вышла к гаражу. Пошарила под передним сиденьем своей машины и извлекла Наташкино водительское удостоверение и техпаспорт. Хорошо, что ее привычки неизменны. То есть были неизменны: теперь придется привыкать говорить о Наташке в прошедшем времени. Я надавила пальцами на виски, стараясь унять боль. Взглянула на часы: в доме я пробыла двадцать минут. За двадцать минут жизнь стремительно полетела под откос.

Мне нужен был Гера, нужен кто-то, с кем я могла бы поговорить. Конечно, он еще ничего не знает. Сейчас Гера должен быть в офисе. Я пожалела, что не позвонила ему из дома. Возвращаться назад я не могла и решила позвонить из автомата. Села в Наташкину «семерку» — конечно, я предпочла бы свою машину, но это было бы глупо.

Остановившись возле автомата, я три-

жды набирала номер и трижды слышала короткие гудки. Я чертыхнулась и заторопилась в офис.

Металлическая дверь была не заперта, хотя плотно прикрыта, чтобы это не бросалось в глаза. Но полмиллиметра не хватило, чтобы замок сработал. Я толкнула дверь и вошла. Первым увидела Валеру: он лежал в коридоре, напротив двери в свой кабинет. Огромная лужа крови расплзлась на сером ковре. Я набрала в грудь побольше воздуха и шагнула вперед.

Геря был в своем кабинете, сидел в кресле, положив руки на стол, лицо чужое и отрешенное. Светлый пиджак на груди грязно-бурый. На полу, рядом со столом, — еще труп, лицом вниз. На этот раз стреляли в затылок. Мне не нужно было видеть лица, чтобы понять, кто это. У моих ног лежал Аркадий Юрьевич, хороший человек и гражданин. Зря он пришел сюда. Не вовремя.

Я вздохнула и взялась за телефонную трубку — она лежала на столе рядом с рукой Геры. Набрала 02 и сообщила о трупах. Очень кратко, ибо времени у меня совсем немного. Возможно, и вовсе нет.

Повесив трубку, я заспешила к машине. Город казался пустынным, а все происходящее дурным сном. Я вспомнила о своих предчувствиях. Разве не этого я ждала? Ждала, не ждала... Четыре трупа, я одна и хочу выжить. Самоубийство меня никогда не прельщало, дать себя поймать

или явиться в милицию — равносильно самоубийству. Я много раз размышляла, что буду делать, случись такое, но сейчас была растеряна, подавлена и неспособна мыслить.

Наташкин дом возник неожиданно. Я свернула в соседний двор, где была стоянка, припарковала машину и минут пять сидела с закрытыми глазами, силясь унять дрожь. А потом разревелась. В один день я не просто потеряла друзей — я осталась одна во всем мире. Было отчего зареветь белугой. Хотя слезы — вещь бесполезная, кому знать, как не мне?

— Давай-ка шевелись, — сказала я себе и вышла из машины.

Во дворе ничего подозрительного не наблюдалось. Две бабульки несли вахту у подъезда, поздоровались и любезно сообщили, что Наташи нет дома.

— Подожду немного, — ответила я и поднялась на третий этаж. Открыла дверь и вошла, опасливо таращась по сторонам. Как оказалось — напрасно. В квартире никого не было. Убедившись в этом, я вернулась к двери, заперла замок, накинула цепочку и прошла в спальню. В шкафу лежал паспорт и немного денег, я бросила их в свою сумку. В кладовке отыскала молоток и направилась в ванную, а там отсчитала третью плитку от раковины и пятую от пола. Размахнулась и с силой ударила. Керамический квадратик раскололся, открыв

тайник в стене. Молотком орудовать было не обязательно, но теперь это не имело значения.

Из тайника я извлекла пистолет, коробку патронов к нему и две перетянутые резинкой пачки долларов. Денег должно хватить, вряд ли все продлится особенно долго, а там — либо в деньгах я не буду нуждаться, либо они и вовсе не понадобятся. Второе, как ни печально сознавать это, все же вероятней.

Доллары я положила в сумку вместе с патронами, а пистолет в руках повертела. Не очень верилось, что он поможет: стрелок я никакой, палила всего-то пару раз по пивным банкам, с весьма и весьма скромными результатами, но тяжесть в руках странно успокаивала. В конце концов я убрала пистолет в сумку. Пора было уходить. Тут на меня и накатил очередной приступ страха: холод в спине и дрожь в коленях. Я кинулась к окну, не касаясь рукой занавески, осторожно выглянула. Как раз вовремя: двое парней с внушительным видом эмигрантов из преисподней выскочили из двухдверного юркого «БМВ» и ходко зашагали к подъезду, не потрудившись запереть машину. А я прижалась к стене, мгновенно покрывшись потом: нетрудно было догадаться, кто они и зачем здесь.

Я, конечно, выдающаяся посредственность, и жизнь моя в масштабах челове-

чества, возможно, и гроша не стоит, но умирать сегодня я не хотела. Четверг — совершенно неподходящий для этого день, впрочем, как и пятница. Если парни внизу другого мнения, значит, встречаться с ними не стоит.

Эта мысль дала мне необходимый толчок или пинок. Я метнулась к входной двери, выскочила из квартиры и, стараясь сделать это бесшумно, захлопнула замок. Если нельзя спуститься вниз, значит, придется подниматься вверх. Ничего умнее в голову не приходило, и я заскользила по ступенькам, прижимаясь к стене — то ли тень, то ли привидение. Через пару секунд парни войдут в подъезд. При этой мысли мне сделалось нехорошо, я жалко клацнула зубами и, увеличив скорость, достигла пятого этажа. Смутно помнилось, что в девятнадцатой квартире живут мать с сыном, парнишкой лет двенадцати. Как-то раз он мыл мне машину. Если его нет дома, моя песенка спета: не обнаружив меня в квартире, ребята из «БМВ» не поленятся подняться на пятый этаж. И тогда... Об этом даже думать не хотелось.

Я жала кнопку звонка, торопливо перечисляя господа, от каких дурных слов и поступков откажусь навеки. Дверь распахнулась. Мальчишка — я вспомнила, что зовут его Денис, — посмотрел на меня несколько удивленно. Я шагнула вперед, сле-

гка потеснив его, и осторожно закрыла дверь. Как раз в этот момент и послышались торопливые шаги.

Денис пребывал в недоумении.

— Ты один дома? — шепотом спросила я.

— Ага.

— А чего дверь открываешь кому пошло? Чему тебя в школе учат?

— Ничему. А вам что надо?

— Твой балкон. И вот что, Денис. Если кто позвонит, не открывай. Притворись, что тебя нет дома. Само собой, меня ты не видел. Где балкон?

Я прошла в комнату, плотно закрыв дверь: мне совсем не хотелось, чтобы ребята, припав ухом к замочной скважине, услышали наши голоса. Денис, с любопытством наблюдая за моими передвижениями, вышел следом за мной на балкон и спросил:

— За вами что, гонятся?

— Точно. Два жутких типа. Кстати, они не шутят, так что о входной двери забудь. Договорились?

— Не дурак.

Балкон выходил на проспект, со двора меня видеть не могли. От соседнего балкона нас отделяла перегородка. Я задумалась, кое-что высчитывая.

— Там уже другой подъезд, — подтвердил мои догадки Денис. — Полезете? У них сейчас никого. Светка из бассейна в шесть

придет, а предки и того позже. А за вами правда гонятся?

— Не вздумай проверять. — Я перебрала сумку и легко перелезла сама.

— Можно простыни разорвать и спуститься вниз, — предложил Денис.

— Мать тебе за простыни голову оторвет, — съязвила я. — Ты обещал прикинуться, что тебя дома нет. Марш с балкона.

Я уже забыла про него и сосредоточилась на двери. Балкон мог стать ловушкой. Если парни выйдут на крышу — а именно так они и сделают, — меня, конечно, сразу обнаружат. Возвращаться в квартиру Дениса было неразумно: он ребенок, а тем двоим на это, разумеется, наплевать. Поэтому балконная дверь занимала меня чрезвычайно. Одна створка была распахнута настежь, вторая хоть и заперта, но весьма небрежно: язычок замка вошел на одну треть, не больше, это воодушевляло. Дергая дверь то в одну, то в другую сторону, я заставила наконец язычок выскочить из пазухи, и дверь открылась.

— Здорово, — сказал Денис за моей спиной.

— Исчезни, — нахмурилась я. Вошла в комнату, заперла балконную дверь и отправилась в кухню выпить воды. Могут они обшарить все квартиры, открывая замки какой-нибудь отмычкой? Мне казалось: вполне. Тогда это такая же ловушка, ничем

не лучше Наташкиной квартиры. Мысль эта не принесла облегчения. Тут я заметила телефон на тумбочке. Если в дверь начнут ломиться, позвоню в милицию... И буду отстреливаться, с усмешкой добавила я, до последнего патрона. Надо было к психиатру сходить, теперь уже, конечно, не успею. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Есть другой вариант: выскользнуть из квартиры: они не ожидают моего появления из другого подъезда, если повезет, смогу проскочить к машине... Если они следили за мной — не повезет, если приехали за Наташкой, тогда мне надо просто переждать... В стену три раза громко стукнули. Я ответила двумя ударами с интервалом. Денис перестал колотить в стену, с балкона донесся его голос:

— Эй...

Я открыла дверь и выглянула.

— Ты мне что обещал?

— Я из кухонного окна смотрел, они на «БМВ»?

— Ну...

— Дядька из нашего подъезда выскочил, сел в нее и уехал. Только что.

— Один?

— Один. А их двое было?

— Двое.

— Значит, второй в засаде остался. Тетя Наташа придет, и он ее сцапает. В милицию звонить будете?

— Не буду. Не придет тетя Наташа. Она меня за вещами послала.

Денис скорее всего прав: приехали они за Наташкой, и сейчас один выжидает в квартире, а другой, надо полагать, махнул за инструкциями. Нарвалась я на них случайно.

— Денис, ты видак смотришь?

— Ну...

— Значит, слышал, что свидетели долго не живут?.. Ты ничего не видел. А «БМВ» здесь вообще не было.

— Не дурак, — нахмурился он.

— Особенно друзьям не болтай. Что знают двое, знают все. Понял?

— Понял, — кивнул он, горя желанием сейчас же устремиться к друзьям. А я направилась к входной двери.

Замок был простой, автоматический. Квартиру я покинула легко и осторожно спустилась до второго этажа. На лестничной клетке замерла возле окна и двор обследовала. Ничего подозрительного. При мысли, что сейчас мне придется покинуть относительную безопасность подъезда, меня прошиб пот. Собравшись с силами, я спустилась вниз, толкнула дверь и оказалась на улице. Стараясь не терять присутствия духа, направилась по узкой асфальтовой дорожке, ведущей от подъезда к подъезду. Если этот тип в Наташкиной квартире наблюдает из окна, ему будет трудно меня увидеть.

Я свернула за угол и бросилась бежать, чувствуя себя совершенно незащищенной. Мне нужна была машина, она давала хотя бы иллюзию безопасности. Торопливо нырнула в соседний двор, осмотрелась, не выходя из-за сараев. «Семерка» стояла в пяти шагах, а двор выглядел совершенно обыденно.

Если они приехали за Наташкой, то можно надеяться, что не обшарили соседний двор. Хотя вполне могли нарваться на машину случайно, как я на них. Надо было решаться. Стараясь выровнять дыхание, я подошла к машине и открыла дверь, каждую секунду ожидая нападения. Ничего не произошло. Никто не прятался между сидений и не кидался из-за угла. Чему я, естественно, порадовалась.

Через минуту я выехала на проспект, чувствуя себя так, будто заново родилась. Моего счастья надолго не хватило. Ожидая сигнала светофора, я посмотрела по сторонам, да так глаза и вытаращила: напротив стоял «БМВ», которого я надеялась больше никогда не увидеть.

— Чтоб вам пропасть, — прошипела я, прикрыв лицо ладонью. Труд напрасный: они знали номер и марку машины и меня засекли. Правда, не сразу. Мне удалось покрыть приличное расстояние, прежде чем они сообразили, что к чему, развернулись и сели мне на хвост. Если не придираешься к судьбе, мне все еще везло, а им не очень,

но это только пока: расстояние между нами неуклонно сокращалось. Я выбрала самый людный маршрут в надежде, что особенно бесцеремонно вести себя здесь они не решатся. Надежда была слабенькая.

Я свернула к универмагу, лихорадочно решая: бросить машину или все-таки попытаться уйти на ней? И тут моему везению внезапно пришел конец. Истошно прозвучал автомобильный сигнал, раздался чудовищный грохот, и ярко-красный джип впереди вогнал чью-то «Волгу» в фонарный столб. Как из-под земли возникли инспектора ГАИ сразу на двух машинах. Сзади мне успел загородить проезд мгновенно застывший поток машин, и я оказалась в ловушке, стиснутая с трех сторон и прижатая к тротуару. Впереди водители, чертыхаясь, глушили моторы.

Тут начались вещи совершенно непонятные: из «Волги» выскочили несколько молодцев и, не обращая внимания на близость милиции, увлеченно принялись палить по джипу. Конечно, русский человек в сердцах на многое способен, но это было несколько неожиданно. Инспектора ошалели и встрывать не торопились, что было, с моей точки зрения, разумным. Зато народ разволновался, шум стоял адский, все разом заорали, а я растерялась и вроде бы даже забыла, что на хвосте у меня «БМВ». Со стороны проспекта слышалась сирена — как видно, спешила подмога. Судя

по производимому шуму, весь штат городской ГАИ. Ребятам с «Волги» на это было почему-то наплевать, они вообще ничего, кроме джипа, не замечали. Видеть, что происходит, я не могла и не могла сообразить, что же мне делать — ума хватило только на то, чтобы не глушить мотор. Из транса меня вывела «шестерка», застрявшая сзади. Ее владелец выехал на узкий тротуар и, едва не прочертив крылом по стене универсама, ринулся вперед. Пока ополоумевшие инспектора и граждане соображали, что к чему, мне следовало поступить так же. Я взгромоздилась на тротуар, зацепив передним бампером дерево, а задним стену, и рванула вперед. За мной еще трое сообразительных повторили этот маневр.

Тут что-то грохнуло, повалил черный дым, несколько десятков людей разом взвыли, и началась паника. Каждый вспомнил, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, и все принялись спасаться. Перед моим носом возник «Мерседес», я отчаянно давила на сигнал, силясь прорваться, и тут дверь справа открылась и ко мне влез мужик с пистолетом в руке. Я заржала и распахнула свою дверь, но пистолет уперся мне в бок.

— Не ори, дура, не трону, — прошипел тип. — Давай мотать отсюда.

■ От неожиданности я икнула и вытара-

шила глаза, пытаясь что-нибудь понять. Он не дал мне на это времени.

— Давай за «мерсом», да шевелись ты...

Я зашевелилась, по-прежнему не понимая, что происходит.

Остановить поток обезумевших водителей было бы не под силу самому черту. Я мчалась, почти касаясь бампером машины впереди, и все еще пыталась понять, что происходит. Этот псих должен был меня убить. Или не должен? Между тем он откинул спинку своего сиденья и лег, поглядывая в зеркало.

— Послушай, — робко начала я.

— Заткнись! — рявкнул он и грязно выругался: что-то там в зеркале ему не понравилось. Я решила сосредоточиться на дороге: пора было выбираться из лавины машин. Я стала забирать вправо и ближе к перекрестку шарахнулась в подворотню.

— Куда? — заорал тип рядом со мной. — Там перекопано...

Об этом было известно всему городу: лет пять, как шла реставрация старого здания театра, но, если машину не жалеть, проехать все-таки можно. Наташкину я не жалела, на двух с половиной колесах обогнула опасный участок и через пару минут выехала на тихую улочку, застроенную старинными двухэтажными особняками. Тишина давила на уши. Я притормозила, косясь вправо. Нежданный пассажир приподнял голову, повертел ею и сказал:

— Вроде оторвались...

— Это вы были в джипе? — проявила я чудеса сообразительности.

— Я, — кивнул он. — Давай выбирать-ся отсюда, они быстро очухаются.

— Послушайте, это, конечно, не мое дело, но лучше бы вам найти другую машину.

— Не дергайся. Выберемся отсюда — отпущу. И давай не зли меня.

— Все-таки я должна предупредить вас: путешествовать со мной — не очень удачная идея.

— Умри, — зло бросил он. Делать это-го буквально я не собиралась, но замолчала. Однако минут через пять мне пришлось спросить:

— Куда ехать?

— К вокзалу, — бросил он, напряженно глядя в зеркало. Подниматься он не стал, предпочитая отлеживаться.

— Думаю, лучше загнать машину в тихий дворик и немного переждать, — миролюбиво предложила я.

— К вокзалу, — повторил он и пистолет поднял.

— Хорошо, — пожала я плечами: спорить пропало всякое желание, хотя ехать в указанном направлении, по-моему, было опасно: спуск крутой, движение одностороннее, а при выезде на проспект меня могли ждать на «БМВ». Если ребята не дураки, они так и сделают.

Ребята не были дураками, но мне опять повезло: на выезде стояла машина ГАИ, два инспектора рядом с ней увлеченно разговаривали, как видно, обсуждая заварушку возле универмага. «БМВ» расположился напротив, около бани, а двое моих знакомцев, надо полагать, от души желали инспекторам провалиться к чертовой матери. Я придала лицу скучающее выражение и проехала мимо; инспектор мазнул по мне взглядом и отвернулся. В ту же секунду «БМВ» сорвался с места. Отсутствие поддержки пошло не впрок. Сержант в бронежилете шагнул вперед, взмахнув палкой. У меня возникла надежда, что их ненадолго задержат. За несколько минут я успею вырваться с проспекта и скорее всего уйти. Я на это очень рассчитывала.

Парни, как видно, рассуждали так же и решили, что набегались за мной достаточно. Тормозить они не стали, пронеслись мимо, дав из окна очередь из автомата. Ошалевшие сотрудники ГАИ, приподняв головы с асфальта, смотрели нам вслед, открыв рот, решив, что в городе не иначе как эпидемия буйного помешательства.

Еще больше удивился мой вооруженный пассажир.

— Что за черт, а? — рявкнул он. — Эти еще откуда?

Я пожала плечами, демонстрируя свое неведение. Данный район я знала хорошо и

надеялась затеряться в лабиринте одноэтажных домов и шатких сараев. Но меня ожидал сюрприз: свернув в одну из улочек, я вынуждена была вскоре затормозить. Впереди зияла огромная яма. Очередную трубу в городе некстати прорвало. Я поспешно развернулась, шаря вокруг глазами в поисках выхода, но его, пожалуй, не было: «БМВ» торопливо загоразживал мне проезд.

— Чтоб вам провалиться! — в сердцах сказала я и в дверь ринулась, но этот псих схватил меня за руку и прошипел:

— Сидеть!

Я замерла, отказываясь верить, что два парня из «БМВ», бегущие к нам, — последнее, что я вижу в своей жизни. Однако сюрпризы не кончились. Выразительно размахивая оружием, парни разделились, кинувшись к нам с двух сторон, причем один заметно опережал другого. Наличие в моей машине постороннего явилось для них полной неожиданностью. Дверь с моей стороны распахнулась, я увидела перекошенное от ярости лицо, и тут раздался выстрел. Я завизжала, а парень грохнулся на асфальт. В ту же секунду мой спаситель толкнул ногой незапертую дверь со своей стороны, и второй парень отлетел на пару метров, совершенно не понимая, что происходит. Через секунду он, кажется, понял, но это ему не помогло: грохнул еще

один выстрел, и парню стали безразличны и я и все на свете.

Мой пассажир вышел из машины, огляделся и сказал:

— Что за дерьмо, а?

— Надо выбираться отсюда, — понемногу приходя в себя, напомнила я, потому что моего напряженного слуха коснулся вой милицейских сирен: надо полагать, выстрелы гаишники слышали и мчались сюда на всех парах. «БМВ» и два трупа должны их сдержать, значит, мы имеем шанс смыться. Само собой, этим шансом мы воспользовались.

Минут через десять, когда я уже начала чувствовать себя в относительной безопасности, пассажир сказал:

— Тормози!

Я с готовностью подчинилась, решив, что он собрался меня покинуть.

— За руль сяду я, — заявил он, неторопливо убирая пистолет в карман куртки.

— Слушайте, — заметила я, — может, нам лучше разделиться? Зачем нам лишние неприятности?

— Мотай, — кивнул он.

— Как это? — изумилась я. — А машина?

— Извини, дорогуша, но колеса мне сейчас до зарезу нужны.

— Мне тоже, — кивнула я, извлекая из-под сиденья пистолет. — Так что вали отсюда.

Он воззрился сначала на оружие, потом на меня, присвистнул и сказал:

— Он на предохранителе.

— Да? — Мои знания оружия были весьма скромными, и с перепугу я ему поверила. Пистолет он легко отобрал, покачал головой и заметил:

— Девочка, это не игрушка. — И вдруг заорал так, что перепугал меня до смерти: — Твою мать, а эти откуда?

Возглас относился к возникшему за нашей спиной джипу.

— Я тебя предупреждала, — злорадно заметила я. Мы дружно вывалились из машины, потому что из джипа принялись палить. Денек выдался нелегкий для городской милиции, а про меня и говорить нечего.

На четвереньках я ходко заспешила к весьма сомнительному укрытию в виде древнего кирпичного сооружения — котельной или подстанции, бог ее знает, — и нос к носу столкнулась со своим бойким пассажиром. Он успел там обосноваться и был занят тем, что вставлял в пистолет новую обойму.

— Денек — зашибись, — сообщил он.

Я согласно кивнула, устраиваясь рядом, положила на колени сумку, вцепилась в нее до ломоты в пальцах. Из джипа палить прекратили и, кажется, совещались.

— Я их не знаю, — заявил мой странный спутник, осторожно выглянув.

— Да? — вежливо поинтересовалась я. Парень он был довольно забавный. И любопытный. Вжимаясь в стену и держа на коленях пистолет, он вдруг заорал:

— Мужики, чего надо-то, а?

— Отдай девку и мотай, — донеслось в ответ. Он покосился на меня.

— Обманут, — вздохнула я, слегка отодвигаясь. — Все равно убьют.

— Спасибо, что сказала, сам бы ни в жизнь не догадался.

— Я ведь не для того, чтобы вас обидеть...

— Ну, надо же... своего дерьма мало...

— Слушайте, я ведь вас предупреждала...

— Заглохни. Короткими перебежками вон к тому дому.

Я прикинула расстояние и поежилась:

— Не смогу...

— Ну, как знаешь... — Он легко поднялся и бросился бежать, петляя на манер зайца. Я заревела, потом тоненько взвизгнула и — была не была! — последовала за ним.

Стреляли в нас или нет, уверенно сказать не могу, потому что ничего не слышала и не видела, кроме дома впереди. На мгновение возникло лицо женщины в окне, растерянное, бледное, а дальше — звенящая пустота. Но до нужного угла я все-таки добралась. Мир вокруг бешено кру-

тился и вдруг замер, все вернулось: улица, стрельба, а хуже всего — джип. Он стоял с распахнутыми дверцами, а трое парней осторожно приближались к нам.

— Как звать-то, красивая? — рявкнул тип мне на ухо.

— Наташа, — жалобно ответила я.

— Нам бы везеньица немного, Наташка.

— Как скажете...

И тут везенье повалило... Улица, до той минуты совершенно пустынная, неожиданно преобразилась. С обеих сторон появились машины, водители таращили глаза и торопливо проезжали мимо. Вдруг, точно по команде, наши преследователи развернулись и бросились к джипу. Очень скоро стала ясна причина их странного поведения: завывла сирена и в переулок выскочили милицейские машины. Правда, джип к этому моменту успел исчезнуть за соседними домами.

— Квартал объедут и сядут нам на хвост, — прокомментировал мой сосед, убирая оружие. — Двигаем дворами.

— А как же машина? — жалобно спросила я.

— Накрылась машина, деточка, — ухмыльнулся он. — Менты возле нее пасутся. Хочешь с ними встретиться?

— Не очень, — созналась я.

— И правильно. На что они? Пустые базары...

■ Он бодро зашагал вперед, а я, замеш-

кавшись на мгновение, кинулась за ним вприпрыжку.

— Эй, пушку верни!

— Зачем? Ты ж все равно стрелять не умеешь.

— Еще как умею. И вообще, она мне душу греет.

— Согрей себе душу чем-нибудь другим.

— Подавись, — разозлилась я и сделала шаг в сторону, с намерением укрыться в ближайшем парадном, но он сгреб меня за плечи:

— Не выйдет, дорогуша, идем вместе.

— Тебе что, своих неприятностей мало? — удивилась я.

— В самый раз. Прогуляемся, красавица. У меня видуха такая — первый же мент непременно прицепится. Так что бери-ка меня под локоток и любимую жену изображай.

Это показалось разумным. Я вцепилась в его руку, и мы пошли дворами, держась ближе к подъездам и зорко поглядывая по сторонам. Пройдя кварталов шесть, вышли к троллейбусной остановке и за киосками укрылись. Посвящать меня в свои планы он не спешил, и я не лезла, мудро рассудив, что сейчас самое главное — оказаться подальше от опасного места.

Подъехал троллейбус, мы вскочили в него в последнюю секунду. Я вздохнула с облегчением: народу много и разглядеть нас в окна будет затруднительно. К сожа-

лению, минут через двадцать троллейбус стал пустеть, что приводило меня в отчаяние, поэтому, когда мой спутник сказал: «На следующей выходим», — я обрадовалась.

Мы вышли и почти сразу юркнули в подворотню. Тут я дала себе труд сообразить, где мы. Вокзальный спуск, район полуразвалившихся одноэтажных домишек, приют бомжей и особо несчастных граждан, ждущих своей очереди на выселение. Часть построек уже снесли, на их месте красовались грязные пустыри, несколько бензозаправок, платные автостоянки и бесчисленные гаражи мелких и крупных учреждений.

Надо сказать, что к этому моменту передвигалась я с трудом. Очень хотелось посидеть с закрытыми глазами, вытянув ноги. А «муженек» мой негаданный вышагивал бодро и даже насвистывал. По тому, как уверенно он двигался, становилось ясно: у него есть какая-то цель. Так как у меня не было ничего, кроме головной боли, я решила положиться на него и не ломать голову понапрасну.

Мы перешли железную дорогу и минут через десять оказались возле сквера — заросшего, грязного, с обвалившимся фонтаном в центре и скульптурой пионера в одной из аллей. Обшарпанный пионер когда-то держал в руке горн, как и положено пионеру, но горн уж не знаю кому

понадобился, а ничем не занятые руки выглядели сиротливо, и кто-то на место горна пристроил облезлый веник. Мы пересекли сквер и оказались в переулке из трех домов. В первом отсутствовала левая стена, так что насквозь просматривались все комнаты с лохмотьями обоев. Возле второго, двухэтажного и по виду жилого, на скамейке сидели две старушки, они проводили нас любопытными взорами. Во двор третьего мы свернули.

Двор представлял собой большую помойку. Возле рухнувшего сарая покрывался ржавчиной древний «Запорожец». Узкая тропинка вела в глубь двора к двухэтажной развалюхе, угрожающе завалившейся вправо и явно нежилой. Пока я изучала двор, мой новоявленный приятель поднялся по шатким ступеням крыльца и постучал. В доме номер три стояла гробовая тишина. Я силилась понять, живет здесь кто или нет. Дверь в подвал была заколочена двумя досками, окна зашторены, но стекла такие грязные, что занавески выглядели половыми тряпками. Между тем моему спутнику надоело ждать, он спустился вниз, сунул руку под крыльцо и извлек ключ. Распахнул дверь и сказал:

— Заходи.

Я с некоторой опаской вошла и оказалась в довольно чистенькой прихожей. Прямо передо мной дверь вела в кухню, окнами во двор. Справа еще две двери в комна-

ты. Вполне человеческое жилье. Мы вошли в кухню.

— Садись, — бросил тип.

Я села на табурет, испытывая чувство, близкое к блаженству, бросила под стол сумку и решила проявить любопытство.

— Вас как зовут?

— Алексей, — ухмыльнулся он, устраиваясь напротив, потом уставился на меня и заявил: — Давай-ка, дорогуша, объясни, что у тебя за дела.

— Так ведь не знаю, — пожала я плечами, демонстрируя полнейшее неведение.

— Ага, — кивнул он.

— Ага, — кивнула я.

— Ишь ты... — Он поднялся, вышел в прихожую и через пару минут вернулся с куском веревки. Я настороженно наблюдала за его передвижениями.

— Эй, это зачем?

— Это для простоты общения.

Я вскочила, но, зажатая между стеной и столом, мало-мальски достойного сопротивления оказать не могла. Поэтому он очень скоро подтащил меня к противоположной стене и подвесил на крючок за связанные руки. Крючок был вбит на смерть и довольно высоко. Как я ни старалась, а дотянуться ногами до пола не смогла, поэтому очень скоро начала испытывать серьезные неудобства. Но типу по имени Алексей было на это наплевать. Он ■ извлек из холодильника банку тушенки,

достал хлеб, нарезал его устрашающей толщины ломтями и принялся есть. Он ел, а я его разглядывала. Назвать его симпатичным могла лишь женщина с богатым воображением. Если исходить из того, что шрамы украшают мужчину, то его разукрасили на славу — какой-то шутник очень постарался, а потом сшил остатки на скорую руку, видно, слыхом не слышал об эстетике. Нос, короткий и довольно широкий от природы, был перебит по крайней мере в двух местах, что придало лицу особое очарование. Странно, что все зубы при этой физиономии выглядели целыми — если они настоящие, конечно.

Он продолжал ухмыляться и одновременно жевать, сосредоточенно и с явным удовольствием. В общем, повезло как утопленнице. Если бы кто-то поинтересовался моим мнением, я бы предпочла блондина с умным, интеллигентным лицом, крепкой, но изящной фигурой, который не стал бы подвешивать женщину на крючок и с аппетитом жевать тушенку из банки, а, прикрывая меня от пуль своей грудью, говорил бы что-нибудь остроумное и приятное, желательно на тему: тебе не о чем беспокоиться, дорогая... Да... как говорила моя бабушка, с нашим-то счастьем...

Я попыталась обнаружить в нем что-нибудь положительное. Трудно это было... Ладно, у него мужественное лицо, перебитый нос придает ему необходимую изю-

минку, и, вообще, довольствоваться нужно тем, что имеешь. Опять же, если права пословица «Сила есть — ума не надо», то при такой комплекции в голове у него, как зимой в скворечнике. Что для меня, безусловно, хорошо. Кажется, он мне подходит, решила я, вздохнула и сказала:

— Вот есть люди умные, а есть дураки, которые вечно в чужие дела лезут.

— Ага, — согласно кивнул он.

— Бывает, у человека своих дел невпроворот, а ему все мало, так он норовит чего лишнего узнать, чтобы глупой головы лишиться.

— Точно. Полно дураков.

— Я ведь и сама с трудом понимаю, что происходит...

— Это конечно...

— Если кому-то до зарезу надо, мне не жалко, расскажу...

— Вот здорово...

— Слушай, сними меня отсюда, мне же больно.

— Тебе так только кажется.

— Повезло... нарваться на садиста... Мне в туалет надо. В конце концов, ты можешь подвесить меня во второй раз. И в третий.

Он перестал жевать, извлек из-под стола мою сумку и вытряхнул содержимое на стол. Присвистнув, взвесил в руке пачку долларов.

— Откуда дровишки, деточка?

— Наследство.

— Везет. А у меня все родственники перемерли и хоть бы что оставили.

— Без понятия люди, — вздохнула я.

— Это точно.

Он поднялся, снял меня с крюка и препроводил к двери.

— Туалет вот здесь.

— А руки?

— Ловчи.

— Куда я денусь без денег?

Это подействовало, руки он мне развязал. Когда я вернулась из туалета, на плите фыркал чайник, а Алексей, человек божий, выглядел повеселевшим — наелся, значит.

— А можно руки помыть? — голосом Красной Шапочки спросила я.

— Умывальник за занавеской.

Умывшись, я покосилась на полотенце, потом выглянула и виновато поинтересовалась:

— А другое полотенце нельзя?

— Десять баксов.

— Это где же такие цены?

— Так ведь я все возьму.

— А чего тогда спрашиваешь?

Он сходил в комнату и полотенце принес, я вытерла руки и к столу села.

— Можно, я тоже поем?

— Ешь и рассказывай, а то на крючок определяю, надолго.

— Чего ж ты любопытный такой?

— Видать, таким родился.

Я сделала себе бутерброд с тушенкой, жевала и обдумывала, как лучше изложить свою историю.

— Тебе коротко или подробно?

— Без разницы. Главное, понятно.

— Хорошо, — вздохнула я и принялась излагать: — В понедельник я должна была встретить одного человека, у него дела с нашей фирмой, обыкновенная деловая встреча. Я проводила его в гостиницу, мы вместе поужинали, потом поднялись к нему в номер. Когда открывали дверь, из номера напротив выскочил какой-то мужик и мимо промчался как угорелый. Я его совершенно не разглядела и ни за что не узнаю: видела пару секунд, и то со спины. Когда он вот так выскочил, то налетел на Аркадия Юрьевича, и на его пиджаке кровь осталась. А дверь в номер приоткрыта. Аркадий Юрьевич вроде тебя, любопытный, и в номер заглянул. А там труп... — Я шмыгнула носом и выразительно на Алексея посмотрела, без особой, впрочем, надежды, что он упадет в обморок. — Мы вызвали милицию, — пришлось продолжить мне. — Я честно сказала, что типа того не разглядела и при всем желании узнать не смогу. Потом я здорово испугалась, что мне влетит от шефа за то, что плохо за гостем смотрела и вляпалась в историю, и я на дачу уехала. Думаю, вернусь через пару деньков, ■ Гера, шеф, уже успокоится. Вернулась се-